

А н д р е й   Б е л е в с к и й

Н Е К О Т О Р Ь Е   Э П И З О Д Ь И

И З   Ж И З Н И   И И С У С А

(Записаны неканоническими свидетелями)

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Эта рукопись была найдена случайно одним любителем древностей. В 60-х годах XX века в Москве прокладывали улицу Новый Арбат, то есть Калининский проспект, как его тогда называли, снося старые кварталы, пролежавшие от Кремля до Садового кольца. Рукопись находилась на чердаке одного из домов и помещалась в кожаной папке с солидной массивной застежкой, что и привлекло внимание следопыта.

На первой странице рукописи был заголовок: «Некоторые эпизоды из жизни Иисуса (записаны неканоническими свидетелями). С прологом и эпилогом от автора перевода». И ниже: «Перевод с арамейского». Имен самого автора текста, а также переводчика не было.

Приблизительная датировка создания перевода (или, по крайней мере, написания текста перевода) понятна. Орфография послереформенная, а само письмо выполнено металлическим пером, окунаемым в чернила. Известно и время строительства Нового Арбата, что позволяет установить временной промежуток появления этой рукописи — между двадцатыми и пятидесятыми годами XX века, с допущениями, конечно. Это подтверждается и стилем языка перевода, а также стилем стихотворных вставок, которые, как упомянул сам переводчик, принадлежат ему. Впрочем, о документальности или даже правдивости историй, изложенных в рукописи, мы не можем ничего сказать. Роль пишущего эти строки сведена к аккуратному перепечатыванию иногда крайне плохо разбираемого текста, раскладыванию страниц по порядку и отправлению в редакцию.

Федор Екель (F. Jaeckel)
Freelancer (вольный копеечник)

ПРОЛОГ

Ты слышишь,
как разбиваются сердца наши о тех,
кого мы любим

Ты слышишь,
как громко и пронзительно звучат наши голоса,
ведомые только нам

Ты слышишь,
как разрываем мы души на части,
желая покоя и не находя его

Ты слышишь...

лист зашумел,
солнечный луч упал на землю,
дождь прошел стороной

Ты слышишь,
как рождаемся мы в муках и умираем в печали,
как земли наши стонут от страданий
и движется то, что мы называем жизнью,
а ты — как называешь это ты?

Ты слышишь...

Ветер кажется тобой,
ночь говорит твоими словами,
все вокруг жизнь, данная тобой,

Но тебе — все равно

Ты слышишь...

• • •

— Ты на вино-то не налегай особо.

— Учить меня будешь.

— И мать Его, и братья здесь, а ты — стакан за стаканом. Постыдись.

— Пошел ты...

— Смотри, смотри — распорядитель.

— Что говорит?

— Вина нет больше.

— Как нет? На свадьбе в Кане чтобы вина не было?

— Тихо, тихо, не буянь.

— Руки убери! Распорядитель!

— Виноват, вино закончилось. Сколько заказывал жених, столько и привезли.

— Чтоооо!!

— Сядь. Смотри — вся свадьба гудеть начинает... Сейчас драка начнется. Видишь — распорядители побежали солдат звать. Придут — мало не покажется. Сходи, дева, посмотри, что там Он делает. Тебя ни пьяные, ни солдаты не тронут.

— Схожу. А ты ложись, поспи, чтобы хмель выветрился.

— Слушаюсь.

— Что-то шум усиливается. Просыпайся, давай-ка отсюда убираться, пока целы.

— Не...

— Какое не! Смотри — крики! Народ орет, гляди — все бегут к кувшинам, там где вино было!

— А вот вино, вино, не волнуйтесь, гости дорогие, всего в достатке! Не волнуйтесь, ешьте и пейте!

— Налей-ка.

— Лучшее из лучших!

— Действительно. Вино замечательное.

— Любезный — почему вино в конце пира такое хорошее? Обычно наоборот...

— Ох, не знаю, что и сказать. Вы пейте, пейте.

— Пришла? Долго тебя не было. Ну, рассказывай.

— Нечего рассказывать.

— Ты не особенно-то гордись. Все мы ученики Его. Попроще, попроще. Рассказывай.

— Хорошо. Подошла. Вокруг народ буйнать стал. Вино закончилось, а веселье только началось. Они кого-то бить собрались. Крики, все такое. Он рядом с матерью сидел, что-то на песке чертил, и как будто не слышал и не видел ничего вокруг. Вдруг сандалия рядом с ним упала. Он как очнулся. Смотрит вокруг и говорит матери — что с ними. А она — вина у них, мол, нет. Кончилось. Мало припасли. А Он и говорит — вином жажду духовную не утолишь. И добавил — но час еще не пришел. Вздохнул так глубоко и подозвал распорядителя. Что-то ему сказал — я не слышала. Короче говоря, емкости для вина наполнили водой. А когда в них заглянули — там вино оказалось. Стали разливать — а оно лучше прежнего. Всё.

— Да. То есть... Да. Где Он сегодня вечернюю трапезу совершает?

— Есть тут один дом. Местный фарисей пригласил.

— Спроси — можем прийти?

— Уже спросила — Он ждет и с хозяином договорился.

— А мать, братья?

— Когда вся эта с вином история была, Он и сказал — что, женщина, тебе до меня? Единый Отец мой в небесах, ему и повинуюсь. Так что не будет там ни матери, ни братьев.

— Что же ему мы?

— Кто знает. Он выбрал нас, водит за собой. Мы оставили все, что нам дорого, все, к чему привыкли. Остальное покажет время.

•••

— Кто там? А, это ты. Входи. Закрой дверь.

— Здравствовать господину!

— Ладно, ладно. Садись. Рассказывай, что там произошло. Да не врать мне!

— Как можно, господин, как можно!

— Короче.

— Как вами и было велено, я пошел вместе с толпой, идущей Его слушать. Народу было тьма — не сосчитать. Там небольшое возвышение — Он на него сел. Рядом те, кто с ним. Начал говорить, все

затихли. И вот, господин, что странно — говорил обычным голосом, не кричал, а все было слышно до самого дальнего края.

— Врешь.

— Как будет угодно господину.

— Ладно. А про что говорил-то?

— Как всегда — про справедливость, что царствие небесное, про заповеди, про то, что человек есть суть божественное начало, что... Ну, как всегда, я вам докладывал. Одно сказал, чего не было раньше, — новая церковь идет на смену старой, и много крови прольется, и что не мир его слова несут, но... войну, что ли, или разруху, или... не запомнил точно

— Как-как? Погоди, запишу.

— Так я же вам отчет на пергаменте дам — там все будет.

— А, ладно. Дальше.

— Как господин просил, сел я совсем недалеко от них — ну, в смысле, от Него и от его, как Он называет, учеников. Жара страшная, а Он говорит, как будто в нем силы невиданные — на такой жаре, столько времени...

— Сколько?

— Часа четыре.

— А народ?

— Не шелохнется. Как вкопанные. Правда, к концу, как солнце начало садиться, некоторые начали падать. Но не насмерть.

— Отравили?

— Нет, нет, господин. Жарко, очень жарко, вода есть, а еды нет совсем. Тут ученики его побежали к ослабевшим, возвращаются и говорят: силы потеряли — слушали, забыли про еду, вот и результат.

— А ты откуда знаешь?

— Так я рядом с ними сидел! Потихоньку, потихоньку — и втерся к ним поближе. Так что я и Его, и остальных Его учеников видел и слышал очень хорошо.

— А скажи... Столько дел, что из комнаты не выйдешь, и так месяцами... Конура... Ну-ка быстро мне опиши, каков Он — хочу сравнить с другими свидетельствами. Может, ты врешь, что там был!

— Вели бить меня плетью, господин, если я вру! Вели пытаться меня! Вели меня бросить львам в крепостном рву на съедение, если хоть каплю приврал!

— Хватит блажить. Говори.

— Слушаюсь. Ничего особенного нет. Нет, не могу что-то сказать. Один из многих. Пока говорить не начнет.

— Понятно, что дальше?

— Он и говорит — они устали, им надо есть. Кто-то отвечает — пусть идут домой, и кричит им всем — идите домой! А они — хотим еще слова от Него, слова Его как манна, пусть еще говорит! Тогда Он зовет своих учеников и велит им накормить народ. Тут они стали возмущаться — сколько денег потратить надо, сколько их тут дармоедов, чем милостыню просить тут, пошли бы домой, да и у нас денег нет, и еды, вот пять хлебов и рыбу мальчик притащил — в дар Тебе, Учитель. Тут Он и говорит, кто верит в меня, кто верит в то, что все сидящие предо мной буду сыты? Тут его спутники довольно-таки смешались. Только дева припала к его ногам и говорит — верую, Учитель.

— Кто? Дева?

— Да, господин. Она.

— Дальше.

— Дальше что... Дальше все просто. Велел поставить перед собою две корзины, в одну положили хлеб, в другую — рыбу. Он накрыл голову платком, посидел так, потом платок откинул и говорит — возьмите хлеб и рыбу и дайте сидящим предо мною. Ученики посмотрели на Него... я бы сказал, так смотрят на бесноватых, но ни слова не промолвили и разломали хлебы, дали, кто ближе сидел, и одну рыбу им же. Потом подходят к Учителю и говорят: что дальше. А Он — малoverы, раскройте глаза. Они сначала не поняли, а как посмотрели на корзины — и обомлели. Одна полна хлеба, другая — рыбы, хлеб еще теплый, а рыба только из печи, так еще и посыпана крупной солью.... Ученики-то раздают, раздают, возвращаются, а корзины опять полные. В общем, всех накормили и еще домой много кусков дали.

— И чем все закончилось?

— После этого дела Он уже не проповедовал. Думаю, решил, что это кормление лучше проповеди. Так и дева рядом с Ним сказала — Ты, мол, свет мира, но они жаждут чудес и только в них верят. А Он и отвечает — что ж. Будет им чудо. А потом и спрашивает деву — что там, в Иерусалиме? А она — слухи о Тебе ходят, вроде ждут Тебя как царя нового. А Он — это они зря. Царствие есть только

небесное. Но как им это сказать? Или показать? Отец мой своей волей велит мне это совершить. И умолк. А она прижалась к Его плечу и говорит — хватит на сегодня.

— А остальные, ну, ученики?

— Те, которые раздавали, подошли, встали на колени и говорят — веруем, веруем, прости нас. А Он — может, мне умереть в мучениях, чтобы вы поверили? Тут подошли солдаты, стали разгонять толпу, и я ушел.

— Вот тебе деньги. Все напиши, что сказал и что не сказал. Никому ничего не говори, иначе умрешь. Иди. Как бы тут не ошибиться... Царствие небесное, оно.... Душно в подвале, душно.

•••

— Лазарь! Лазарь! Иди обедать! Вот твои любимые лепешки, и вино, и фрукты...

— Напрасный труд. Он не придет.

— Знаю без тебя. Не даешь мне надеяться.

— Когда Он пришел и свершилось это — как мы радовались!

— Я тогда чуть сама не померла со страху. Он говорит «выходи» — а у меня в глазах все так и потемнело. Виданое ли дело — мертвец на четвертый день из гроба выходит...

— А шел-то еле-еле. Весь в пелены завернутый, лицо платком закрыто. Ужас, ужас...

— Что говоришь — ужас. Счастье Он нам принес, снова Лазарь с нами.

— С нами, да. Только думаю, что для него... Он ведь был уже в тех местах горних, сама понимаешь, зачем мы ему теперь. Ты на него посмотри — лежит, не встает, пищу не принимает. Глаза такие, что рыдать хочется.

— Когда он сидел вместе с нами и с Ним на ужине, я все смотрела на него. Знаешь, мне казалось... В общем, не вернулся Лазарь наш оттуда.

— И то. Когда потом-то мы спать его уложили, я зашла к нему погасить свечу. Смотрю — лежит с открытыми глазами. Я ему — Лазарь, Лазарь? А он — он только одно слово сказал — «зачем?» — повернулся к стене.

— Дай-ка присяду. Уж не слишком ли большую цену заплатил брат за...

— Что ты, что ты, как можно! Такое чудо Он сотворил, такую силу божественную нам показал! Теперь все уверуют в него!

— Ладно. Что сделано, то сделано. Давай убирать со стола.

— Стой, погоди... Не Лазарь ли?

— Помогите встать.

— Бросай все, бежим к нему!

— Лазарь, Лазарь, вот радость!

— Усаживай его, усаживай.

— Как ты себя чувствуешь?

— Дайте есть.

— Тебе нельзя сразу много. Вот это и вот это пока съешь и вина малость выпей. А то иначе худо будет.

— Где Он?

— Так ушел на следующий день после твоего... После ужина.

— Говорил что-нибудь?

— Да нет, ничего особенного. Перед уходом зашел в твою комнату, посмотрел на тебя, попрощался, и они ушли.

— Кто они?

— Ну, Он и кто с ним ходит обычно... Ученики его.

— Подожди, это не все еще. Ты-то осталась в доме, а я вышла Его проводить. Там было много людей, которые подходили к нему и говорили — веруем, веруем в Тебя, Ты Мессия, Сын Божий. А Он поднял руки и говорит — Отче, благодарю тебя, что услышал меня. Я сделал это, чтобы они поверили.

— Помогите мне умыться. Теперь мне нужны силы. Будете мне служить, пока не окрепну. А потом Он укажет мне путь.

— Лазарь, да ты совсем слаб, какой путь!

— Славу Его надо множить, чтобы весь мир уверовал в Него. Чудо, со мною случившееся, должно служить Ему. Вовеки Он будет светить миру. А мы будем этот свет нести во все пределы.

— Лазарь, ты никогда так не говорил.

— Тебе надо отдохнуть.

— Отведите меня в мою комнату. Мне надо помолиться. Не до отдыха теперь.

— Брат наш как переменялся!

— Да, совсем другой. Только имя и осталось.

- Велик Он. Велик его путь. Свет земли, правда мира.
- И то верно. Только прежнего Лазаря нам будет не хватать.
- Глупа ты. Он мир меняет, а Лазарь наш ему помощь. Великая история!
- Ну да, ну да.

•••

- Ну что? Пришли, что ли?
- Куда идем, куда идем...
- Целый день за ним ходим, как на поводке.
- Не хочешь — не ходи.
- Почему не хочу — хочу. Знать бы, куда и зачем.
- Жарко, пить хочется. И есть.
- Потерпишь.
- А Он-то где?
- Ну как где — пошел на очередную гору.
- Так сад же? Где гору-то тут найти?
- Он найдет.
- Вы бы лучше об ужине позаботились — вечер уже.
- Ты, дева, что-то раскомандовалась. Ну и что, что ты рядом с ним возлежишь, когда трапеза? Может, ты и на ночь с ним останешься? Скажи — мы пойдем.
- Заткнись сейчас же. А нет — так иди на все четыре стороны. А ты, дева, потише веди себя, не забывайся.
- Я-то не забываюсь. Вы-то все не забыли, с кем и для чего ходите? Где Он сейчас — кто может сказать?
- Вон туда пошел.
- Велел за ним не ходить.
- Вы двое — сходите-ка, посмотрите, где Он, что и как. Вокруг народ разный шатается, да еще шпионы, соглядатаи, пьяные солдаты... Идите и приглядите за ним.
- Позволь, и я схожу.
- Нет, дева, ты останешься здесь. Не дело женщинам по кустам ползать. Они все сделают.
- Не хочешь меня понять...

— Да хочу, хочу, успокойся. И тут дел много — вот сейчас рыбу принесут, приготовь-ка всем поесть.

— Приготовлю.

— Трудные времена нас ждут.

— С чего это ты?

— Что ж, думаешь, Он пошел сейчас наверх просто так? Знает наперед, что будет. Трудно ему, один Он.

— Как же один — вон нас сколько.

— Ну да, и оружие есть, и сколько народу сегодня собралось его послушать.

— Народ разбежится, да и мы не крепки больно.

— Ты это про себя, дева?

— Нет, про тебя.

— Ах ты...

— Сидеть! Убери нож! Еще не хватало, чтобы мы перессорились!

— А я уйду вообще. Неинтересны ни вы мне, ни Он.

— Катись.

— Ну вот, первый ушел.

— Он нас продаст.

— Без сомнения.

— Темнеет, пора возвращаться.

— А вот и наши разведчики. Ну что?

— Стоит на коленях на камне, просит не давать ему какую-то чашу.

— И все?

— И все. Все время повторяет, пронеси да пронеси чашу. А потом руки поднимает вверх и говорит так громко — твоя воля! Почти кричит. Потом заметил нас и говорит — уходите, мол, идите вниз, в дом, пусть дева готовит ужин, зажжет побольше свечей, вина поставит побольше.

— Все. Собираемся. Пошли.

— Я дождусь его тут.

— Нет, дева, сейчас ему не нужен никто. Даже ты, как тебе ни будет обидно это слышать.

— Все ты хочешь мне неприятное что-нибудь сказать. Ладно. Сделаем, как Он просит. Что-то нехорошо мне на душе.

— Мне тоже.

• • •

— Какой ужасный день...

— Да, перенести это тяжело.

— Но мы-то вот сидим, перенесли...

— Тьма египетская. Страшно.

— Пойди посмотри, хорошо ли закрыта дверь. И принеси масла для лампы.

— Надо бы поесть.

— Только о еде и думаешь. Едва Его похоронили, а ты все о своем.

— Принес масло? Долей. Вот, посветлее.

— Что же теперь с нами будет?

— Боишься?

— Боюсь. С Ним ничего не было страшно, хоть и ругали нас, и бить даже пробовали — помнишь, там, у ворот. Но как только Он скажет что-то или даже посмотрит — все становились смиренными, тихими такими, даже фарисеи не знали, что ответить.

— Что фарисеи — других надо опасаться. Да и римлян тоже.

— Плохо нам будет без Него.

— Он многому нас научил.

— А мы вот что. Будем ходить к Его гробу, сделаем украшения, соберем денег — золотом камень покроем, чтобы все помнили, что был, мол, такой замечательный Человек, который хотел, чтобы всем было счастье.

— Денег нет.

— Будут.

— Точно. И будем именем Его говорить с людьми, и дело Его продолжим, и жить, как Он...

— Рыбку бы.

— Тьфу ты, надоел.

— Ты, дева, домой сейчас пойдешь, ужин там, все такое, а у меня дыра в кармане вместо денег.

— Ладно, все-таки Пасха, действительно, надо поесть и вина выпить.

— Отменяется. Пока не уберем тело, как надо, — никакого вина. Пойдем, обработаем маслами и благовониями, как положено, тогда и будем...

— Кто там стучит? А, это ты. Отопри ему. Дверь закрывай, если уж вошел.

- Там какие-то огни у гроба, люди ходят.
- Мало ли кто в тех местах ходит.
- Ночью-то?
- Завтра посмотрим. Расходиться пора. Ты, вечно голодный, завтра глянь, все ли там в порядке.

(На следующее утро)

- Все в сборе? Ну, кого нет, того нет. Давайте, братья, совершим молитву. Кто там? Ты чего так запыхался? Случилось что?
- Гроб открыт, Его там нет, пелена валяются!
- Что?
- Что?
- Не может быть!
- Может. Они хотят, чтобы памяти о Нем совсем не осталось.
- Они боятся, что римляне...
- Римлянам на это наплевать. Наши боятся, страшатся соперника, даже мертвого.
- Что же теперь делать?
- Не знаю.
- Я знаю. Разве память о Нем не будет нас укреплять? Разве слова Его и уроки Его не будут звучать в наших головах? Что плачете? Неужто мы маловеры?
- Мы не маловеры, и Он будет в наших сердцах вечно. Но это мы, это наши сердца. Сколько нас? Десять? Одиннадцать? Через пару лет все забудут, что был такой Человек. Ни могилы, ни памяти, а потом и нас нет. Тогда для чего все это было? Нельзя, чтобы эта история прошла впустую.
- Одни Его муки чего стоят.
- Вечная память и вечное поклонение. И уроки Его мы должны другим рассказывать.
- Ты же знаешь, как у нас относятся к памяти. Есть гроб — есть память, ходят, лампу зажигают, вспоминают. Некуда ходить — нету памяти.
- Нам конец.
- Так ведь сколько народу слушали Его и у озера, и когда их кормили, и на горе...

— Э-э, слава мира быстро проходит. Сначала кричали одно, потом — другое. Ты же помнишь.

— Да. Сейчас расходимся. Завтра. Все завтра. Ты, дева, прибери посуду, вымой стол. Или только Ему прислуживать горазда была?

— Что это ты? Не надо меня обижать. Все сделаю. Прилег бы, устал ведь, вот, не спал всю ночь.

— Откуда знаешь?

— Масла в лампе совсем нет, а наливали вечером.

— Полежу.

— Послушай, нельзя, чтобы Он был забыт. И Он, и Его уроки. Они же — вечные истины. Что я тебе-то говорю, ты лучше других знаешь. Его слова мир перевернут, не сразу, не вдруг, может, сотни лет пройдут. Но для этого про Его уроки надо рассказывать, и о Нем самом, и о Его жизни и смерти. И надо, чтобы было место, куда приходиться и вспоминать Его. А тут — гроб разорен, тело исчезло...

— Сделаем так. Завтра соберешь женщин. Возьмете все, что надо и пойдете к гробу. Когда увидите отодвинутый камень, все запричитают, а ты не позволишь им входить, скажешь — я сама, не смейте. Войдешь, побудешь там чуть и выбежишь с криками: воскрес! воскрес! Дальше. Пойдешь в город, а женщин оставишь — пусть делают, что хотят. Иди сюда, по пути крича направо и налево: воскрес! воскрес! Я соберу наших. Ты им скажешь, что тела нет, а видела ангела, который сказал, что Он воскрес, а потом этот ангел у тебя на глазах исчез. Ты — самая близкая Ему. Тебе не посмеют не поверить. Что? Не хочешь?

— Ты никогда меня не понимал. Пойду, все приготовлю. Как просто начинается вечность. Холодно. Дай накидку.

ЭПИЛОГ

Понадежней закрою ли двери,
Поплотнее задвину ли ставни...
Эти люди, скорей — эти звери
Совершили свой замысел давний.

Отчего же так жить им охота
В темноте и не ведая света?

Что за мерзкая эта работа —
Свет гасить, лишь забрезжит он где-то.

Он был лампой во тьме, Он был светом.
Воскресение — скажешь ли, Сущий?
Для меня воскресение — это
Дух Его, в моем сердце живущий.

Я теперь не могу собой править,
Я слуга Его света отныне,
От греха мне народ не избавить,
Но хоть злость в нем чуть-чуть поостынет.

Догорает свеча. Шум стихает.
Завтра будет все так, как и прежде.
Мытарь молится, прачка стирает.
Мир живет воскресеньем надежды.

